

Эдуард Тополь

В погоне
за наваждением
Наследники Стива Джобса

Эдуард Владимирович Тополь
В погоне за наваждением.
Наследники Стива Джобса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3941765

Эдуард Тополь / В погоне за наваждением. Наследники Стива Джобса: Астрель; Москва; 2012

ISBN 978-5-271-42084-9, 978-5-271-41854-9

Аннотация

Силовые структуры России и США охотятся за создателями Тотальных Ночных Наваждений и попадают в водоворот любовных, политических и криминальных приключений.

Долгожданный политический детектив, который захватывает с первой страницы...

Содержание

Об Эдуарде Тополе и его книгах	4
Эдуард Тополь	6
Часть первая	7
1. Фестиваль	7
2. Отъезд	9
3. Совещание в верхах	14
4. Суп с креветками	16
5. Первичная проверка	17
6. Очная ставка	19
7. Ночной визит	21
8. Пробуждение	24
Часть вторая	26
9. Затишье перед бурей	26
10. Красный Октябрь	27
11. Решение майора Грущо	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Эдуард Тополь

В погоне за наваждением

Наследники Стива Джобса

Об Эдуарде Тополе и его книгах

«Тополь пишет с таким знанием российской жизни, которого не могут достичь ни Ле Карре, ни Дейтон. Головокружительные тайники информации...» – «Нью сосайети», Великобритания

«Тополь использует вся и всё, что делает бестселлер, – убийство, интригу, секс, любовь, юмор – и, самое главное, не разочаровывает в конце...» – «Бирмингем ньюс», США

«Тополь держит сюжет в напряжении и интригует тайной, разворачивая блистательную панораму российской жизни» – «Цинциннати пост», США

«Тополевские книги читаются запоем, от них трудно оторваться» – «Комсомольская правда», Москва

«Эдуард Тополь, по определению парижан, „самый крутой мастер современной прозы“» – «Общая газета», Москва

«Все романы Эдуарда Тополя – это большой захватывающий сценарий, который издается массовыми тиражами не только в России, но и в США, Европе, Японии... А все потому, что Тополь не лукавит с читателем, не морочит ему голову, не играет с ним в литературные игры, а прямым текстом излагает, что думает» – Ирина ИВАНОВА, газета «Версия»

«“Красная площадь” – смесь реальности и авторской выдумки, написана в стиле типичного американского триллера в соединении с глубиной и сложностью русского романа» – «Файнэншл таймс», Великобритания

«“Журналист для Брежнева” – высшая оценка за правдоподобие!» – «Таймс», Великобритания

«“Русская семерка” – захватывающий триллер, любовный роман и панорама жизни современной России» – «Нью сосайети», Великобритания

«В „Красном газе“ Эдуард Тополь превзошел свои предыдущие романы и выдал захватывающий триллер... Богатый набор характеров, полных человеческих страстей, мужества и надежд... С прекрасной сибирской натурой и замечательной главной героиней, это глубокая и волнующая история...» – «Сёркус ревью», США

«Эдуард Тополь умеет создать грандиозную сцену. Его „Красный газ“ – возбуждающе-приключенческая история, где вместо автомобильных гонок герои мчатся на собачьих упряжках, оленях и вертолетах, где плевок замерзает, не долетев до земли, а эскимосы живут

по законам тундры. Фабула полна неожиданных поворотов и сюрпризов, снабженных сексом и безостановочным действием...» – «Питсбург пресс», США

«“Любимые и ненавистные”... – бездонное море удовольствия. Притом гарантированного...» – «Известия», Москва

«“У.е.” – наилучший из лучших триллеров Тополя. Супер!» – Сергей Юрьенен, радио «Свобода»

«Роман Тополя о „Норд-Осте“ читать и горько, и тяжело, но отложить невозможно» – «Версия», Москва

«Читайте Тополя!» – «Бильд», Германия

КНИГИ ЭДУАРДА ТОПОЛЯ ИЗДАНЫ В США, АНГЛИИ, ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ, ИТАЛИИ, ГОЛЛАНДИИ, НОРВЕГИИ, ПОРТУГАЛИИ, ШВЕЦИИ, ФИНЛЯНДИИ, БЕЛЬГИИ, ВЕНГРИИ, БОЛГАРИИ, ПОЛЬШЕ, ЯПОНИИ И В РОССИИ

Журналист для Брежнева

Красная площадь

Чужое лицо

Красный газ

Россия в постели

Завтра в России

Кремлевская жена

Русская семерка

Московский полет

Любожид

Русская Дива

Настоящая любовь

Охота за русской мафией

Убийца на экспорт

Китайский проезд

Игра в кино

Женское время, или Война полов

Новая Россия в постели

Я хочу твою девушку

Римский период, или Охота на вампира

Невинная Настя, или Сто первых мужчин

Свободный полет одинокой блондинки

Влюбленный Достоевский

У.е.

Откровенный роман

Роман о любви и терроре, или Двое в «Норд – Осте»

Эротика. iz

Интимные связи

На краю стою

Братство Маргариты

Детям до 16 воспрещается

Любовь, пираты и...

Эдуард Тополь

В погоне за наваждением

Наследники Стива Джобса

*Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет —
Честь безумцу, который навевает
Человечеству сон золотой!*
Пьер-Жан Беранже

Все персонажи и события, описанные в романе, выдуманы автором, а все совпадения с реальными людьми совершенно случайны и, безусловно, не имеют цели задеть чью-то честь или, Боже упаси, достоинство.

Автор благодарит Виктора Фролова, Владимира Махина, Леонида Быкова, Владимира Эстулина и своего сына Антона за помощь в работе над этим романом. Отдельное спасибо американскому писателю Ричарду Полу Эвансу, чей пример вдохновил меня на этот поступок.

Часть первая Покушение

1. Фестиваль

Четверг, 23 июня 2011 г.

Прелый московский зной, настоящий на сизых выхлопных газах, раскаленном асфальте мостовых и прожаренных солнцем бетонно-кирпичных домах, стоял над Тишинской площадью. Было пять часов дня и 32 градуса по Цельсию, и в такую жару радио советует пожилым людям вообще не выходить из дома. Однако именно в это время от Дома кино, что рядом Тишинкой, двинулась по Васильевской улице странная толпа, и даже не толпа, а процессия. Редкие прохожие, спешащие укрыться от изнурительного солнцепека, с изумлением узнавали в ней Михаила Ульянова, Кирка Дугласа, Анатолия Папанова, Марчелло Маттеотти, Ролана Быкова, Раджа Капура, Леонида Утесова, Луи де Фюнеса, Бориса Андреева, Фаину Раневскую и еще десятка три, если не больше, легендарных и уже давно умерших звезд советского и мирового кинематографа. Одетые по моде шестидесятых в чесучовые пиджаки и рубашки с отложными воротниками, эти звезды шли впереди колонны, держа в руках бархатные подушки со своими фестивальными наградами – «Золотыми Львами», «Пальмовыми ветвями» и даже «Оскарами». А за ними человек двести молодежи, одетых в современные и до дыр протертые джинсы и шорты, несли на руках черные гробы с белыми надписями «Баллада о солдате», «Чистое небо», «Иваново детство», «Летят журавли», «Андрей Рублев», «Отец солдата» и другими хитами прошлого столетия. Пройдя два квартала, процессия вышла на Тверскую, и тут легендарный здоровяк Борис Андреев, знаменитый по фильмам «Два бойца», «Встреча на Эльбе» и «Падение Берлина», своим ломовым басом приказал, как на фронте: «За мной, товарищи! Не отставать!» После чего рядом с ним возник Леонид Утесов – моложавый, сорокалетний – и, растянув меха фронтового аккордеона, в полный голос запел:

– Раскинулось море широко, и волны бушуют вдали!..

Под эту песню процессия направилась вниз по Тверской, вызывая изумленное возбуждение прохожих и автомобилистов.

– Товарищ, мы едем далёко, подальше от нашей земли... – пел Утесов, и наиболее сообразительные прохожие тут же хватались за мобильники, фотографировали Утесова и всю процессию, а проезжие автомобилисты приветствовали кинозвезд гудками своих авто.

Конечно, не успела процессия дойти до Триумфальной площади, как сюда уже подошли менты и даже автобус ОМОНа с упрятанными за его окнами бойцами. Но майор Грущо не рискнул выпустить их на это никем не санкционированное шествие. «Тут Раневская, Папанов и даже этот – как его? – Радж Капур! – доложил он по рации дежурному по городу. – Да знаю я, что они давно умерли! А эти – ну, наверно, артисты загримированные... Хрен их знает, куда они идут! Может, на фестиваль, ведь сейчас кинофестиваль начинается... Не знаю, почему с гробами...»

– Товарищ, не в силах я вахты стоять... – гремел тем временем Утесов, и процессия, обрастая толпой любопытных, миновала Благовещенский переулок. – Огни в моих топках совсем не горят, в котлах не сдержать мне уж пару...

Двигаясь в своем полицейском «форде» параллельно этой процессии и не спуская глаз с кинозвезд и, главное, с молодежи с их странными гробами, Грущо ждал приказа дежурного по городу. Но приказа все не было, поскольку на Петровке дежурный, конечно, сам решения не принимал, а запрашивал верха – МВД или мэрию. Пользуясь этой заминкой, процессия

дошла до Пушкинской площади. Тут Борис Андреев, шагнув на мостовую, поднял руку и властно остановил весь транспорт, кативший по Тверской.

– Ты вахты не кончил – не смеешь бросать...

И Утесов повел колонну наискось через Тверскую к Пушкинской площади, а Грущо похвалил себя за сообразительность: кинозвезды действительно шли на открытие Московского кинофестиваля, которое как раз сейчас происходило на Пушкинской. По этому случаю вся площадь была, конечно, оцеплена зеваками и милицейским ограждением, а внутри ее, от памятника Пушкину до входа в «Пушкинский» кинотеатр, лежала широкая красная дорожка, и по ней вверх по ступеням восходили Сергей Гармаш, Владимир Хотиненко, Федор Бондарчук, Екатерина Редникова и другие нынешние кинозвезды. Наверху, стоя вровень с памятником Пушкину, их встречал знаменитый Ростислав Сеевич Шубин – хозяин кинофестиваля, сенатор, секретарь Союза кинематографистов, почетный член Лондонской, Парижской и Лос-Анджелесской киноакадемий и обладатель дюжины самых выдающихся международных премий, наград и званий. Героически томясь под палящим солнцем в черном вечернем костюме и белой рубашке с бабочкой, он уже больше часа пожимал руки каждому гостю фестиваля, восходящему по дорожке. И именно туда, на фестиваль, направлялась теперь эта очень странная процессия кинозвезд с бутафорскими гробами.

– Лицо его, плечи, открытую грудь и пот, с них струившийся градом... – пел Утесов, растягивая аккордеон, и вместе с Борисом Андреевым и Анатолием Папановым смело шел грудью на ментовское оцепление фестивального праздника.

Конечно, юные менты, стоявшие в оцеплении, тут же узнали любимых их бабушками киногероев и расступились, пропуская эту звездную колонну.

Однако кто-кто, а Ростислав Сеевич Шубин знал, конечно, что никакой костюмированной процессии и тем более с гробами совершенно не планировалось в регламенте фестиваля, и потому с недоумением глянул на своих сотрудников – дирекцию фестиваля. Те, впрочем, и сами удивились, а солидная голубоглазая дама – директор фестиваля – успокоительно предположила: «Мосфильмовские штучки, Шахназарова сюрприз...»

– На палубу вышел, сознания уж нет... – выводил тем временем Утесов, поднимаясь к Шубину во главе своей колонны.

Толпа фотографов и телеоператоров, аккредитованных на фестивале, страшно возбудилась (еще бы! такая сенсация!), их камеры лихорадочно затрещали и защелкали вспышками, а вездесущие Бельман и Жигарев с микрофонами в руках жадно ринулись к Раневской и Матроянни за эксклюзивными интервью для Первого канала. И, стоя под сотней нацеленных на него объективов теле- и фотокамер, Ростиславу Сеевичу ничего не оставалось, как включиться в эту игру и с радушной улыбкой хозяина фестиваля протянуть руку Андрееву и Папанову, шедшим рядом с Утесовым. Но тут случилось совершенно непредсказуемое – знаменитый Борис Андреев, герой фильма «Падение Берлина» и других патриотических блокбастеров середины прошлого столетия, вдруг вынул из кармана чесучового пиджака черный «браунинг» и с двух шагов в упор выстрелил Шубину в грудь. Ростислав Сеевич зашатался, его алая кровь хлынула из ран на белую манишку и вечерний костюм, а Утесов продолжал как ни в чем не бывало:

– Увидел на миг ослепительный свет, упал – сердце больше не билось...

Впрочем, последние слова ему допеть не дали – менты, плечистые частные охранники фестиваля, голубоглазая директорша фестиваля и, конечно, сам майор Грущо героически бросились на убийцу...

Но, даже проснувшись от этого странного и почти явственного сна, Грущо, ему показалось, продолжал слышать хрипловатый и с детства знакомый голос:

Напрасно старушка ждет сына домой,

Ей скажут – она зарыдает,
А волны бегут от винта за кормой,
И след их вдали пропадает...

2. Отъезд

Пятница, 24 июня

– Какой-то чумовой сон мне приснился... – сказал Грущо за завтраком своей жене и тринадцатилетнему сыну.

Но встречного вопроса о подробностях сна не услышал – им, Кате и Андрею, было в это утро не до того, они если не де-факто, то мысленно были уже не дома, а в аэропорту или еще дальше – в Америке. А все потому, что еще год назад, на какой-то американско-интернетской литературной олимпиаде Андрей изложил в своем сочинении их семейную легенду о Катином дед, у которого воры снимали в поезде сапоги. Дело было во время войны, поезд шел с Украины в Сибирь, ночью дед, которому было тогда лет тридцать, спал на верхней полке, и воры, проходя мимо, потихоньку стаскивали с него замечательные хромовые сапоги – пройдут в одну сторону и потянут один сапог, обратно пройдут – второй потянут. От этой наглости дед, конечно, проснулся, но виду не подавал, а ждал, когда воры полностью снимут сапоги, чтобы ловко, без сапог, спрыгнуть с полки и схватить негодяев. Но те, оказалось, имели другую цель: стянув сапоги только до половины, они дождались какой-то уральской остановки, схватили дедовы чемоданы – огромные, тяжеленные, с растянутыми, как у гармошки, кожаными боками – и бегом из вагона. Дед спрыгнул с полки, запутался в своих полуспущенных сапогах, и, пока он их натягивал, воры с его чемоданами сиганули с поезда в черноту метельной уральской ночи. Выскочив наконец из вагона, дед хотел ринуться за ними, но тут поезд тронулся, и дедова жена, Катина бабка, которой было тогда всего-то семнадцать лет, втащила его обратно в вагон.

И всю дорогу от того уральского полустанка до Челябинска дед горячими слезами плакал по своим чемоданам – в них были не китайские сервизы, не продукты и не дорогая одежда, а его слесарный инструмент мастера-танкостроителя, отправленного по брони из Харьковского тракторного завода в Челябинск для создания там Танкограда и выпуска танка Т-34. А смешливая Катина бабка – тоже Екатерина – живо представляла себе, как эти несчастные воры, потев и надрываясь, дотащили свою добычу до укромного места, сбили с них замки или вспороли их ножами – и что обнаружили? Не колбасу и не дорогую посуду, а сплошные железки – тиски, сверла, напильники...

Этим рассказом Андрей выиграл на той олимпиаде поездку в Пенсильванию, в международный кемп вундеркиндов при Корвельском университете. А там себя так проявил, что ему предложили приехать и в этом году, причем совершенно даром!

Правда, сам-то Грущо к литературным успехам сына относился скептически – ну кому сегодня нужны эти писаки? Что бы они ни писали в газетах и ни говорили по телику – кто с этим считается? И вообще, это Катя виновата в том, что пацана понесло в сочинительство. Еще тогда, когда парень сидел у нее в животе, она вешала себе на пояс диктофон со сказками Пушкина, Чуковского и доктора Сюза – американского близнеца Агнии Барто. «I'm Sam, Sam I'm, I don't like that Sam I'm» – вот пацан и вырос двуязычным, чешет по-английски, как по-русски. И теперь каждое лето приходится раскошелиться на билеты в США.

Но с другой стороны, кто откажется послать единственного сына в американский лагерь, да еще при одном из самых знаменитых университетов? А Катя, конечно, тут же восхитилась этими корвельскими америкосами – летом, когда во всем мире студенческие общежития пустуют или ремонтируются, они создали в своем общежитии юношеский

лагерь и даже не за свой счет, а раскрутили на это самого Билла Гейтса и за бабки «Майкрософта» подыскивают себе будущих талантливых студентов! Ну не бизнесмены? Супер!

Поскольку занятия в школе у Андрея закончились два дня назад, билеты в Штаты были взяты на сегодня, и Катя, само собой, летела с сыном – не могла же она единственного ребенка отпустить одного в чужую страну! Безусловно, в кемпе Катя, как и в прошлом году, с ним жить не будет, но где-то в Нью-Йорке, в Бруклине, что ли, у нее есть даже не одна, а две школьные подруги, и обе «уже ждут ее, не дождутся».

Короче говоря, в то жаркое июньское утро 2011 года от Рождества Христова майор Грущо в одиночестве доел свою любимую яичницу с сосисками, помидорами и мелко натертым сыром (завтра Кати уже не будет, придется самому готовить), но кофе не допил, а надел свой летний офицерский китель и спустился к служебному, со свежей надписью «ПОЛИЦИЯ» «форду-фокусу». Там его уже ждали жена и сын с вещами (чемодан у Кати и рюкзак у Андрея). Было семь тридцать утра, но Москва уже пылала в лучах беспощадного восточного светила. Правда, в такую рань транспорта на улицах с гулькин нос, одно удовольствие ездить в такую пору, и двадцать минут спустя Грущо уже высадил своих пассажиров у второго подъезда Павелецкого вокзала, проводил до аэроэкспресса и обнял, пожелав счастливой поездки.

Андрей, однако, ничего отцу в ответ не пожелал, а, топчась у открытых дверей красного вагона, все высматривал на платформе своего дружка Витюшу – худенького компьютерного гения, с которым познакомился прошлым летом в том же пенсильванском кемпе. Витюша, оказывается, тоже летел в этот лагерь, они и билеты брали так, чтобы вместе лететь, но появился он на перроне буквально в последнюю секунду, когда по радио уже объявляли отправление экспресса. Причем появился совершенно один – отца у него, похоже, вообще не было (ну, фигурально говоря), а мать еще вчера звонила Кате, сказала, что занята на своем телевидении, не сможет проводить сына, и просила присмотреть за ним. Тщедушный Витюша с тощим рюкзачком за спиной влетел в последний вагон экспресса буквально за миг до отхода поезда и пошел вперед по вагонам искать своего дружка Андрея.

Грущо сокрушенно покачал головой и, совершенно забыв о своем странном сне, отправился на работу в бывшее ментовское отделение № 22, а теперь Тишинский отдел Московского Управления МВД на Васильевской, 3.

Там, однако, случилось нечто из ряда вон: заступившие в 7.00 на дежурство старшие лейтенанты Кустиков и Рахимов, а также сержант Оглобин горячо обсуждали – что бы вы думали? Его, майора Грущо, сон!

– Да я те точно говорю: это были похороны нашего русского кинематографа! Сто пудов! – доказывал тридцатилетний Кустиков, сидя за монитором рабочего компьютера.

– С чего ты взял? – спрашивал его Оглобин.

– Так они же гробы несли! – сказал Рахимов. – И на гробах надписи с нашими знаменитыми фильмами! Ты чё – сам не видел?

– Гробы я видел и надписи видел, – соглашался лысый и рассудительный Оглобин. – Но на похоронах гробы несут на кладбище, а эти шли на фестиваль...

От изумления Грущо, хлопая ресницами, даже остановился на пороге дежурки – как могли эти трое видеть его ночной сон?

– Я другого не понимаю, – продолжал рассудительный Оглобин. – С чего вдруг Шубин стал хозяином фестиваля, когда всеми нашими фестивалями командует вы же знаете кто...

Но тут содержательный разговор подчиненных прервался – Кустиков заметил шефа, вскочил из-за компьютера, вытянулся по стойке «смирно» и доложил, как положено по уставу:

– Товарищ майор, за время нашего дежурства никаких происшествий не произошло. Докладывал старший лейтенант Кустиков.

– Вольно, – сказал Грущо и пошутил: – Как же не произошло? А похороны?

– Какие похороны? – удивился Кустиков.

– Ну, ты ж только что рассказывал! Похороны кинематографа.

– А! – усмехнулся Кустиков. – Так то ж во сне, товарищ майор.

– В моем сне или в твоём? – уточнил Грущо.

– А вы тоже этот сон видели? – спросил Рахимов.

Телефонный звонок упредил ответ майора, Кустиков снял трубку.

– Тишинский отдел полиции, дежурный Кустиков... Что? Убийство Шубина? Ах, во сне! Ну, знаете, мы полиция, мы сны не разгадываем. А кто это говорит? Хорошо, я записываю: Юрий Богополов, кинокритик, видел во сне убийство Ростислава Шубина. И жена ваша видела. Она тоже кинокритик? Нет? А видит такие сны! – укорил Кустиков звонившего. – Хорошо, я записал, спасибо.

Но не успел он положить трубку, как телефон рвануло новым звонком.

– Тишинский отдел, дежурный Кустиков, – привычно отчеканил в трубку старлей и, видимо, по требованию звонившего тут же протянул ее майору Грущо. – Вас, товарищ майор. Бережных.

Грущо взял трубку, ведь звонил сам генеральный директор Дома кино – не то заслуженный, не то народный артист Матвей Бережных, чей старый «мерседес», нарушая все правила парковки, постоянно торчал на тротуаре перед входом в Дом кино.

– Слушаю, Матвей Аронович, – сказал Грущо.

– Здравствуйте, Станислав Егорович, доброе утро! – вкрадчиво ответила трубка мягким баритоном, знакомым по сотне дублированных фильмов. – Как ваше драгоценное здоровье?

– Спасибо, Матвей Аронович, все в порядке. – И Грущо жестом приказал Кустикову освободить кресло.

– Приятно слышать. А супруга? Сынок?

– Тоже все хорошо, благодарю! – И Грущо поудобнее уселся в кресле, зная по опыту, что Бережных – это надолго.

– Вы знаете, дорогой, – льстиво продолжала трубка, – у нас в Доме тоже начинается кинофестиваль, будут очень хорошие фильмы. Конечно, не зарубежные, а наши, но все равно я вас приглашаю. Сколько вам билетов?

И в этом был весь Бережных. По какому бы поводу он ни звонил в милицию, он никогда не начинал с просьбы или заявления. Даже если в ресторане Дома кино случался пьяный скандал или нужно было выставить из кинозала какого-то хулигана, Бережных сначала обязательно что-то предлагал – билеты на иностранный фильм, контрамарки на концерт или свою протекцию на съемку в очередном телесериале. Вот и теперь он приступил к делу только после обещания майора прислать дежурного за десятком билетов на весь Тишинский отдел. А затем:

– Я к вам по делу, Станислав Егорович.

– Слушаю вас.

– Дело, правда, несколько странное и даже необычное...

– Я весь внимание.

– Понимаете, дорогой, мне уже с утра человек двадцать буквально оборвали телефон! Причем звонят из самых разных городов – из Питера, Вологды, Иркутска, даже из Киргизии позвонил Болот Шамшиев, лауреат Берлинского кинофестиваля! И почему-то все звонят по одному и тому же поводу – все видели во сне убийство нашего дорогого Ростислава Сеевича Шубина. Вы понимаете?

– Значит, долго будет жить, – дипломатично сказал Грущо.

– Я тоже так отвечаю. Больше того: по настоятельной просьбе Шамшиева я лично позвонил только что Ростиславу Сеевичу и убедился, что никакого убийства не было, он себя замечательно чувствует и уже завтракает с голливудскими звездами, прилетевшими на фестиваль. Но... Вы не находите, что это очень странно – чтобы разным людям в разных городах вдруг приснилось одно и то же?

– А гробы им тоже снились? – поинтересовался Грущо.

– Как? – изумился Бережных. – Неужели вы... вы тоже видели этот сон?

– А вы? – спросил Грущо.

– Нет, что вы! – ответила трубка. – Я, дорогой мой, плачу налоги и сплю без всяких сновидений. Но я, как вы знаете, дублирую все эти голливудские «Трансформеры» и потому не могу отделаться от мысли про вторжение в наши сны каких-нибудь «и-ти» или марсиан.

А с другой стороны, я посмотрел в сонник моей жены, и там написано, что видеть во сне убийство означает печали, причиненные злодеяниями плохих людей, и даже насильственную смерть на ваших глазах. Поэтому я вам и звоню. Предупредить, понимаете?

– О чем?

– Ну как же! Если в разных городах разные люди видят во сне событие, которое случилось возле Дома кино и на Пушкинской площади, то есть на нашей с вами территории, и если расценивать это событие как предзнаменование...

– Я понял, Матвей Аронович, – перебил, нахмурясь, Грущо. – Спасибо...

И, отделившись от вкрадчивого Бережных, не стал больше обсуждать этот сон с подчиненными, а ушел в свой кабинет и заперся в нем, выключив там все телефоны, даже мобильник. Потому что еще до окончания разговора с Бережных какое-то внутреннее чутье бывшего следака, переброшенного на Васильевскую с Петровки, 38, то есть из уголовного розыска, уже нашептало майору, что дело с этим сном пахнет, как говорится, керосином. И сильно пахнет, господа! Просто, я бы сказал, воняет...

И, будучи в прошлом весьма неплохим муровским следователем, Грущо в таких случаях любил замкнуться в себе, сосредоточиться и настроиться на интуитивную волну, которая почти всегда выводила его на нужный след.

Однако то ли эта июльская жара плавila мозги, то ли будничная ментовская мелочовка притупила прежнюю интуицию, но никаких озарений Грущо не посетило, и он стал размышлять по старинке, как его еще в юности учили в знаменитой Омской академии МВД, откуда вышли лучшие следаки угрозыска и даже три министра внутренних дел. Понятно, что версию старпера Бережных про вторжение инопланетян в его, Грущо, ночные сновидения нужно отбросить. На кой хрен инопланетянам устраивать похороны российского кинематографа да еще тащить ради этого с того света Утесова, Андреева, Раневскую и Раджа Капура? И зачем инопланетянам убивать Ростислава Шубина – замечательного режиссера, прекрасного артиста и друга первых лиц государства? Даже если он ездит по Москве с правительственной мигалкой – ну и что? Как это может мешать инопланетянам? Нет, инопланетяне тут ни при чем. Но тогда каким все-таки образом случилось, что десяткам людей в разных городах страны приснился один и тот же сон? Да еще какой!

Не найдя никакой лазейки к разгадке, майор вздохнул, погасил в пепельнице третий окуроч «Парламента» и включил компьютер. Набрав в интернетском поиске «Толкование снов», он нашел в «Книге сновидений» не только с десяток толкований сновидческих убийств, но заодно и толкование увиденных во сне похорон и крови. Правда, ничего путного не вышло и из этого – по соннику получалось, что похороны в солнечный день (а день открытия кинофестиваля был, как мы знаем, и в самом деле еще какой солнечный – просто опаляющий!), так вот, увидеть во сне похороны в солнечный день предвещает, по соннику, свадьбу и счастливую судьбу. А кровь на одежде – препятствие в карьере со стороны врагов и предостережение от новых дружеских связей. А убийство, как и сказал Бережных, – печали

и насильственную смерть. Но в совокупности из всего этого выходила такая неразбериха, что Грущо в сердцах вышел из Интернета и машинально включил радиоприемник, постоянно настроенный на «Полицейскую волну».

То, что он услышал, буквально оглушило его.

Оказывается, не только он, пара его сотрудников, кинокритик Богомолов и двадцать членов Союза кинематографистов, звонивших в это утро директору Дома кино, видели во сне эти треклятые похороны и немыслимое убийство лучшего режиссера России! Нет, оказывается, чуть ли не вся страна и даже жители ближнего и дальнего зарубежья видели сегодня ночью этот сон! Эфир не только «Полицейской волны», но и всех других радиостанций – от «Русских новостей» до «Эха Москвы» и «Радио „Дача“» – буквально захлебывался звонками радиослушателей, требовавших объяснить феномен этого всеобщего наваждения. По словам ведущих, даже в Америке и в Израиле русские эмигранты только об этом и говорили. Но никакие журналисты и никакие эксперты по психиатрии, включая знаменитых Владимира Шахиджаняна и Элину Ланго, не могли сказать ничего толкового, и единственное, что сумели сделать радиостанции для успокоения публики, – это взять интервью у самого Ростислава Сеевича и каждые пятнадцать минут повторять его по всем радиоволнам. В этом коротком выступлении Ростислав Шубин своим неподражаемым голосом и со свойственным ему чувством юмора сообщил слушателям, что слухи о его смерти весьма преувеличены, что он жив и здоров и, как заядлый любитель кинематографа, приглашает всех на Московский кинофестиваль.

Это, конечно, слегка успокоило публику, но, как оказалось, совершенно не успокоило руководителей МВД, ФСБ и других силовых структур. Да, едва майор Грущо дослушал по радио интервью Ростислава Сеевича, как в дверь его кабинета громко постучал старлей Кустиков.

– Товарищ майор! Включите телефон! Вам звонят из приемной министра!

Грущо поспешно включил свой служебный телефон, тут же грянувший телефонным звонком и – уже в трубке – недовольным мужским голосом:

– Алло, Грущо? Говорит помощник министра! Какого хрена, майор, вы в такой день выключаете телефоны? Вам что – погоны надоело носить?

Но в грозном голосе помощника министра майор опознал своего омского однокурсника и облегченно выдохнул:

– Ладно, Сережа, не финди...

– Не купился, засранец, – с сожалением сказал Сергей Заточный, полковник и с недавних пор действительно помощник министра. – Но имей в виду, я тебя покрываю последний раз.

– А что случилось?

– А ты не знаешь? Все силовики на ушах стоят! Наш президент допер, что этот гребаный сон мы все получили через Интернет. Понимаешь? Он опросил всех в Кремле и выяснил, что кто не пользуется русским Интернетом, тот и этого сна не видел! То есть он нас всех урыл, понимаешь? И теперь наша задача хоть как-то отмыться и найти, кто именно через Интернет забросил нам этот сон. Усек?

– Кажется, да... – проговорил Грущо, мысленно восхитившись оперативной смекалкой президента страны. – Но при чем тут я и мой Тишинский отдел?

– Стас, врубайся! Ты же опер! Тебя еще в Омске профессор Кравец нам всем в пример ставил!

– Преступление совершено на моей территории? – осторожно предположил Грущо.

– Ну, слава Богу, допер! – сказал Заточный. – Значит так, братан! Поскольку в этом сне состоялись похороны нашего кинематографа, а Дом кино и Союз кинематографистов действительно твоя территория, ты включен в следственную бригаду МВД по поиску создате-

лей этого наваждения. И у тебя есть ровно восемь минут на то, чтобы оторвать от кресла свою умную задницу и прибыть на совещание к нам на Житную. Усек?

3. Совещание в верхах

– Никакая это не булгаковщина, и вообще перестаньте слушать по радио всяких Шендеровичей! – желчно говорил в совещательной комнате на седьмом этаже МВД высокий генерал-майор, удивительно похожий на знаменитого актера Евстигнеева. – Это пробный шар ЦРУ. С помощью Интернета они уже третий год сеют по миру свои оранжевые революции, а теперь принялись за Россию. Сколько, по-вашему, длился этот сон? Полчаса, пока процессия шла от Дома кино до Пушкинской? Ничего подобного! Любой сон длится не больше минуты, это научный факт. То есть ЦРУ заказало Голливуду минутный клип с похоронами и убийством нашего лучшего режиссера и через Интернет забросило эту пакость в наши сны. И это еще один аргумент, почему не нужен России никакой Интернет, а нужно, как в Китае, запретить его к чертям собачьим! Но наш президент сам сутками сидит в «Твиттере»...

– В Китае не весь Интернет запрещен, а только «Гугл», – вставил кто-то из сидевших за длинным столом для заседаний.

Генерал медленно повел евстигнеевскими глазами в сторону говорившего, и, пользуясь этой паузой, Грущо, пригнувшись, чтоб не привлекать внимания к своему опозданию, двинулся от двери к свободному креслу. Но тут же и замер – не столько из-за того, что все эти полковники и генералы, сидевшие за столом, разом повернулись к нему, сколько от ужаса, который возник в их глазах при его появлении.

– Извините... – произнес он в смятении, краснея и не решаясь сесть в кресло. – Мне про совещание только что сообщили, десять минут назад. А от меня до Житной... Разрешите сесть?

Однако какой-то штатский с офицерской выправкой вдруг ткнул в него пальцем:

– Вы?! Вы же были в этом сне! – Он повернулся ко всем остальным: – Узнаёте? Он из этого сна! – И снова к Грущо: – Как ваша фамилия?

– Майор Грущо, начальник Тишинского райотдела полиции, – представился Грущо.

– Правильно, он сидел в машине... В полицейском «форде»... – заговорили с разных сторон. – А за ним ехал ОМОН...

– Но это опровергает версию о голливудском клипе!

– Каким образом опровергает?

– Ну как же! Они могли актеров нарядить в Утесовы и Папановы, но вот живой человек! Наш! Откуда в Голливуде могли... Майор, вы себя видели в этом сне?

– Так точно, видел, – признался Грущо, самовольно присаживаясь на край кресла, и с мольбой поглядел на полковника Заточного, сидевшего в торце стола, – да выручай же, брат!

Но Заточный смотрел отстраненно, словно они и не куролесили вместе в общаге Омской академии МВД. А единственная среди собравшихся женщина-полковник МЧС спросила у Грущо:

– И это действительно были вы? Вы сами или все-таки артист, под вас загримированный? Вы во сне как это чувствовали?

– Мне кажется, это был я...

– Нет! – жестко сказала женщина-полковник. – Как вам *сейчас* кажется, нас не интересует! Нам нужно знать, как вы ощущали во сне – это были вы сами или кто-то на вас похожий?

Грущо обвел глазами собравшихся. Теперь они смотрели на него с таким напряженным вниманием, словно от его ответа зависела разгадка всего этого дикого происшествия. И потому он усилием воли вернул себя в свой сон, мысленно проследил, как он ехал в «форде»

по Тверской параллельно движению процессии и Утесова, и только после этого честно и твердо, как на допросе, сказал:

– Во сне я знал, что это я.

– И вы не принимали участия ни в каких голливудских съемках, не так ли? – сказала женщина-полковник.

– Никак нет, не принимал.

– И вообще не выезжали за рубеж?

– Так точно, не выезжал, – снова подтвердил Грущо. – Только в Турции был, но три года назад, до кризиса...

Собравшиеся почему-то рассмеялись, а полковник повернулась к желчному генералу:

– Вот видите, Кирилл Степанович! Если майор сам был в этом сне, то никакой это не клип!

Но генерал только презрительно пожал плечами:

– Тоже мне аргумент! А мне все говорят, что я вылитый Евстигнеев. И что? Они же нашли другого Евстигнеева для этой съемки. Могли и такого же майора найти!

Однако и полковник не сдавалась:

– Конечно, могли! Я же с этим не спору! Но майор говорит, что это был он! Понимаете? Он сам был в этом сне!

– Ну, с майором мы еще разберемся, – заметил генерал под облегченный хохот всех собравшихся – кроме, конечно, самого Грущо. – Ладно, – сказал желчный генерал, – шутки в сторону! Был в этом сне майор или не был, уже не важно. И даже не важно, клип это или не клип и кто его создал. Главное – мы обязаны выяснить, каким образом он в одну ночь проник в головы миллионов наших людей. Понимаете? Это главное! Потому что вчера они для пробы устроили нам похороны кино, а завтра или даже сегодня могут подбросить похороны всего нашего государства и убийство – ну, не знаю кого! Вы понимаете?

Собравшиеся понимали и потому молчали, опустив глаза.

– Значит, так, – подвел черту генерал. – Кто здесь из Управления по борьбе с преступностью в компьютерных сетях?

– Я, – отозвался совершенно лысый, с огромной головой пожилой мужчина в светлом летнем костюме.

– Как фамилия? Представьтесь, – потребовал «Евстигнеев».

– Генерал-майор полиции Круглый Сергей Натанович.

– Хорошо, генерал. Вы берете под жесткий контроль всех русскоязычных интернет-провайдеров.

– Если они на нашей территории, – уточнил Круглый, курирующий всю преступность в русском кибер-пространстве. – А если за границей...

– А на тех, кто за границей, мы тоже найдем управу, – твердо пообещал «Евстигнеев». – Вы только дайте нам их адреса. Дальше. По поводу убийства Шубина. Ни для кого не секрет, что у него немало врагов. Не зря два года назад произошел раскол Союза кинематографистов и сотня, если не больше, известных киношников – Рустам Ибрагимбеков, Александр Гельман, Андрей Смирнов, Павел Финн и другие – демонстративно вышли из этого Союза. Кроме того, Ростислав Сеевич строит свой телецентр, и по этому поводу тоже возник конфликт, там соседи протестуют, а какая-то актриса вообще чуть ли не под экскаватор ложится! Поэтому МУРу и вам, майор Грущо, следует проработать эту версию. Я, конечно, никого из названных ни в чем не подозреваю, но, с другой стороны, как писал Достоевский, у хорошего человека не может не быть врагов. Вам ясно?

– Так точно, – разом отозвались Грущо и генерал Суцевский, начальник МУРа.

– И последнее, – сказал генерал. – Ростислав Сеевич, как известно, ездит с мигалкой, выданной ему как сенатору и почетному адмиралу Министерства военно-морского флота.

Но кой-кому это не нравится, и они по этому поводу устраивают черт-те что, автомобильные демонстрации. Следовательно, ФСБ нужно и с ними разобраться. – И генерал обратился к одному из полковников: – У вас есть на них ориентировки?

– Так точно... – отозвался тот.

4. Суп с креветками

– Кто этот крутой генерал? – спросил Грущо у Заточного, стоя в приемной министра на седьмом этаже МВД и глядя из окна на разъезд машин участников только что закончившегося совещания.

– А ты не знаешь? – переспросил Заточный, тоже проследив за черным «ауди» с мигалкой на крыше. – Кирилл Боков, первый зам Председателя Совета безопасности.

– А баба?

– Интересуешься? – усмехнулся Заточный, провожая взглядом желтый «пежо», в который села полковник МЧС. – С Омска не успокоился?

– Я не к тому. Просто она единственная ему возражала. Остальные молчали в тряпочку.

– Еще бы! Это Ирина Рогова, наша Кондолиза Райс! И даже Мюллер в юбке! Руководитель управления антитеррора в МЧС! Ну, сейчас закрутится машина! Пойдем пообедаем?

Обедать, оказалось, Заточный ходил не в столовую МВД, а в соседний, на Большой Якиманке, японский ресторан, где, по его словам, нет прослушки.

Мысленно попрощавшись с наличностью в кармане (до полочки еще неделя, а платить за обед помощника министра придется, конечно, ему), Грущо от японского ресторана все-таки не отказался. А Заточный, как заправский гурман и знаток японской кухни, заказал, конечно, по полной программе: из холодных закусок – суши из лосося и угря и тунец в кунжутной корочке, а на горячее – суп с креветками, розовый дорадо на пару с имбирем и маринованные свиные ребрышки, жаренные на гриле. При этом полковник ел, конечно, палочками, а Грущо, помучавшись с этой дурью, перешел на вилку и ложку.

– Извини, братан, но я не думаю, что ты что-то надыбаешь, – сказал Заточный в конце трапезы, аппетитно хрустя мягкими свиными косточками. – Нет, не потому что я в тебя не верю. Что ты! Мы с тобой в Омске пуд соли съели, а водки выпили вообще немерено! Но какие на хрен киношники способны такую фигню через Интернет задвинуть? Это же абсолютное оружие, понимаешь? И как задвинули! Untraceable! Как это по-русски? Бесследно! Генерал Круглый и все его управление еще до всякого совещания и этого Бокова-«Евстигнеева» с пяти утра полным составом сидели на всех провайдерах – и что? Ноль! Хрен с изюмом! Ни малейшего бага или червя, который можно развернуть хоть в одну картинку из этого сна! Ты вообще хоть что-то сечешь в компьютерах?

– Ну, так... – пожал плечами Грущо. – Как пользователь...

– Я тоже, – признался Заточный. – Но я был, когда Круглый министру докладывал. А Круглый, чтоб ты знал, компьютерный гений, его у нас уже два года сам Чубайс сманивает! Так вот, как считает Круглый, ситуация совершенно мертвая. Во-первых, по самым скромным подсчетам, емкость такого сна или, как сказал этот Боков, клипа, снятого пусть даже в Голливуде, – почти гигабайт! А теперь прикинь: такой объем эти гребаные америкосы упаковали в какой-то новый червь или вирус, который бесследно – понимаешь, бесследно! – проходит через все системы защиты «Яндекса», «Яху», «Мейл» и всех остальных русских провайдеров! А потом на манер знаменитого 25-го кадра в кино этот червь на долю секунды мелькает на твоём мониторе и – что самое поразительное! – буквально троянским конем впечатывается в твой мозг, чтобы ночью, когда ты спишь и не контролируешь работу своего левого полушария, где находится наша память, – чтобы там развернуться в этот сон! Это, блин, сразу три гениальных прорыва – в компьютерной технике, в Интернете и в психологии!

При чем тут какие-то киношники?! У нас, я тебе скажу, восемь институтов и три секретные лаборатории уже шесть лет бьются над такой задачей. Там десятки «лимонов» зарыты, а результат – ноль! А америкосы, как видишь, и тут нас сделали. Потому президент всех на уши поставил, а Совбез демонстрирует бурную деятельность! Ты представляешь, что будет, если сегодня ночью вся страна снова какую-нибудь хренотень во сне увидит? Например, про настоящую коррупцию в наших верхах. Или еще чего похлеще...

– А почему ты решил, что это американцы? – осторожно поинтересовался Грущо.

– А кто? Израильтяне? Не знаю. Эти тоже могут, конечно. Но снять такой клип? Нет, это по карману только ЦРУ. Десерт возьмем? У них тут есть жареное мороженое, классная штука!

– Возьми, конечно, – меланхолично согласился Грущо, окончательно простившись в мыслях со всей своей наличностью.

5. Первичная проверка

Заточный оказался прав – киношники никакого отношения к компьютерным технологиям не имели и иметь не могли. Во всяком случае, те, кого назвал генерал Боков-«Евстигнеев». Рустам Ибрагимбеков, как выяснилось, уже месяц как находился в Турции, в Стамбуле, где в городском театре ставил спектакль по своей пьесе «Похороны в Калифорнии». Название, конечно, вызывало некоторые подозрения, но, с другой стороны, Ибрагимбеков – четырежды лауреат Государственной премии России, заслуженный деятель искусств России, Командор Французского ордена искусств и литературы, народный писатель Азербайджана и Председатель Конфедерации Союзов кинематографистов СНГ и стран Балтии! Ну какой из него компьютерный террорист?

Андрей Смирнов, постановщик знаменитого «Белорусского вокзала», третью неделю сидел в Праге, где денно и ночно не то монтировал, не то озвучивал свой новый шедевр «Жила-была одна баба». А любой киношник вам скажет, что в это время кинорежиссеры просто невменяемы, в голове у них все до единой извилины заняты только их фильмом и ничем кроме. Попутно майор Грущо выяснил (понятное дело, у Бережных) одну пикантную подробность из биографии этого замечательного режиссера. Оказывается, Брежневу так понравился «Белорусский вокзал», что он распорядился показать этот фильм на открытии очередного съезда КПСС и дать создателям фильма Ленинскую премию. И вот, представляя этот фильм делегатам съезда, ведущий торжественно объявил, что, мол, специально к съезду партии молодой режиссер Андрей Смирнов, сын замечательного советского писателя Сергея Смирнова, автора «Брестской крепости», создал новое выдающееся произведение советской кинематографии. И дал слово Андрею, уверенный, что тот, конечно, поймает подсказку и в присутствии Брежнева и остальных членов Политбюро пообещает к следующему съезду тоже создать что-нибудь замечательное и получит, таким образом, безлимитный бюджет для своего нового фильма. Но Смирнов этот пасс не принял – он был, оказывается, еще тот антисоветчик! Он эту коммунистическую партию, рассказывал Бережных, ненавидел всеми фибрами своей души! И поэтому со сцены Кремлевского Дворца съездов он вдруг заявил и Брежневу, и всем остальным сидевшим перед ним партийным бонзам, что это не он постарался создать свой фильм к их «замечательному» съезду, а это они приказали в Москву аккуратно к завершению его работы. Вроде бы шутка и никакой антисоветчины, но ни Ленинской премии, ни безлимитного бюджета Смирнов после этого уже, конечно, не получил и вообще был записан в диссиденты...

Александр Гельман, автор знаменитого фильма «Премия» с Леоновым в главной роли и таких широко известных пьес, как «Мы, нижеподписавшиеся», «Зинуля», «Профессионалы

победы», «Скамейка» и др., давно устранился и от кино, и от театра и стал на старости лет писать стихи о любви.

Таким образом, только Павел Финн, как автор фильмов «Всадник без головы», «Вооружен и очень опасен», «За что?», «Тайны дворцовых переворотов» и «Я служил в аппарате Сталина», подходил – судя по этим названиям – на роль тайного заговорщика и организатора покушения. Но как раз за Финна, сказал майору Груццо Матвей Аронович Бережных, он ручается головой, поскольку более мирного небожителя и любителя дружеских застолий просто нет во всем многотысячном Союзе кинематографистов!

Короче говоря, подозревать киношников в компьютерном терроризме было совершенно нелепо, о чем в 18.00 майор Груццо доложил начальнику МУРа генералу Сущевскому и со спокойной совестью приехал домой, с минуты на минуту ожидая звонка жены о ее с Андрюшей благополучном прилете в Нью-Йорк. Звонок и раздался, причем, конечно, не на мобильный телефон, а на домашний (и Груццо усмехнулся этой наивной проверке жены), но даже после этого доказательства своей супружеской верности Груццо никуда из дома не поехал. Но не потому, что ехать было некуда, а по более прозаической, как вы уже знаете, причине – обед в японском ресторане с Заточным стоил ему всей налички.

Тут читатель волен усомниться в правдивости автора, ведь – по широко распространенному мнению – бедных ментов сегодня не бывает. До последнего времени автор и сам так думал и, не находя положительных прототипов, не написал за последние десять лет ни одного детективного романа. Теперь, однако, один достойный уважения мент все-таки автору повстречался – майор N которого я назвал Станиславом Груццо. Он поразил меня тем, что почти каждый день, закончив в 18.00 свой рабочий день, переодевается в штатский костюм, пересеживается со служебного «форда» с надписью «ПОЛИЦИЯ» в свой старый «жигуленок» и еще три-четыре часа просто «бомбит» по Москве, прирабатывая к своей ментовской зарплате тыщонку за вечер. А иначе, как он мне сам признался, на одну ментовскую зарплату содержать семью в Москве невозможно...

Однако в эту пятницу, «24 июня 2011 года», его «Жигули» еще оставались на ремонте на ВАЗовском техцентре «Красный богатырь» в Подлипках. А потому к вечеру майор Груццо действительно оказался без денег и, открыв бутылку «Балтики-6» и переключая телевизор с канала на канал, в полном одиночестве готовил себе холостяцкий ужин – все ту же яичницу с тремя сосисками, обнаруженными в холодильнике. Но ни один государственный канал ни о каких наваждениях не упоминал даже в новостях, словно и не было сегодня никакого ажиотажа по поводу всеобщего сна о похоронах российского кинематографа. Первый канал показывал старую советскую комедию, второй – советский же детектив, НТВ – очередную серию нового ментовского сериала, а «Столица» – репортаж с Московского международного кинофестиваля. То есть, согласно ТВ, все в российском королевстве было хорошо и безмятежно, страна и ее руководство могли спокойно отдыхать после трудовой недели.

Но стоило Груццо включить радио – о, тут был совсем другой коленкор! «Эхо Москвы», «Сити ФМ», «Серебряный дождь», «Бизнес ФМ» и десяток других радиостанций буквально наперебой гадали, повторится сегодня ночью вчерашний сон или не повторится. Радиожурналисты названивали менеджерам «Яндекса», «Гугла» и других провайдеров и, словно на скачках, чуть ли не с ликованием сообщали, что число посетителей Интернета бьет в этот вечер все мыслимые рекорды – от Бреста до Владивостока, то есть по всей необъятной стране народ сел за компьютеры в надежде «схватить» с экранов вредоносного снотворящего «червя». Упала посещаемость театров и кинотеатров, опустели кафе и рестораны, смолкли, не открывшись, ночные дискотеки – от экранов компьютерных мониторов публика спешила в постель.

Действительно, интересно – будет сегодня продолжение сна или не будет, подумал Груццо и тоже включил Катин компьютер – дома у него своего компьютера не было, обхо-

дился служебным. Но ничего примечательного или необычного на мониторе, увы, не возникло, только стандартные новости про угрозу дефолта в Америке, экономический кризис в Греции, цунами в Японии и отравлении русских туристов в Турции. Впрочем, и вчера, когда Грущо еще на работе заглядывал в Интернет, чтобы узнать курс доллара для покупки валюты Кате в дорогу, так вот, и вчера ничего подозрительного не было на экране монитора. Ведь на то, подумал Грущо, американцы и создали этот новый уникальный «червь», чтобы он совершенно незаметно или, как сказал Заточный, untraceable проникал через Интернет прямо в левое полушарие нашего мозга.

Выключив все – и компьютер, и телевизор, и радио, – Грущо лег спать, представляя себе, сколько служивого народа сидит сейчас во всех службах компьютерной безопасности МВД, ФСБ, Минобороны, «Газпрома», банков и лаборатории Касперского. И будут сидеть всю ночь в попытках засечь, выявить и обезвредить этот проклятый американский «червь»! Интересно, а эта полковник – как ее? Рогова? – эта «Кондолиза Райс» и «Мюллер в юбке» тоже сидит сейчас в службе безопасности МЧС? И будет, наверно, всю ночь там сидеть, подумал, засыпая, Грущо...

6. Очная ставка

– Ты, мил человек, за что меня убивал? – с улыбкой спросил Ростислав Сеевич у Бориса Андреева.

В следственном кабинете было жарко и душно, с улицы через крохотную форточку в зарешеченном окне доносился шум машин и проходящего троллейбуса, а с простенка меж двух окон на Шубина и Андреева смотрел двойной портрет руководящего тандема.

– Ну, дорогой, что ж ты молчишь? – сказал Шубин.

– А закурить дашь? – вместо ответа вдруг спросил арестованный.

– Вообще-то я не курю. Но сейчас у начальника посмотрим... – И Шубин стал один за другим открывать ящики письменного стола. В одном из них он нашел початую пачку «Парламента» и зажигалку, выбил из пачки сигарету, протянул Андрееву.

– Во какие! Не наши... – пробасил Андреев, а Шубин чиркнул зажигалкой и дал ему прикурить.

Андреев затянулся на всю мощь своей широкой груди, но, выпустив дым, поморщился:

– Нет, кисловаты. Как называются?

– «Парламент». Ну? Так за что ты меня?

– Да никто тебя не убивал! – Андреев сделал пренебрежительный жест.

– Как не убивал? – удивился Шубин. – Ты в меня два раза стрелял!

– Ну вот, – подтвердил Андреев. – А хотел бы убить, дак с первого раза стрельнул бы в сердце и хорош, не было б разговора! – Он опять затянулся так глубоко, что споловинил сигарету, и снова поморщился: – Да, жидкие какие-то, не махорка. Я, чтоб ты знал, в правую грудь тебе стрелял. А хотел бы убить, дак пальнул бы в левую, и всё! Понял?

– Гм... Ну хорошо, спасибо, что не убил, – усмехнулся Шубин. – А стрелял-то все-таки за что?

– Да ни за что, а для чего. – Андреев повертел в своих огромных руках остаток тонкой сигареты и спросил с тоской: – А махорки не найдется? Мне бы фронтальной махорочки...

– Извини. – Шубин развел руками. – Ни папиросы, ни махорку сейчас уже никто не курит.

– Вот от этого вся и беда, – сообщил Андреев. – Русскому человеку крепкое курево нужно. А вы... Как на эту вермишель перешли, так все и развалилось. Я в тебя пошто стрелял-то?

– Пошто? – нарочито повторил за ним Шубин.

Андреев проводил взглядом очередной троллейбус за зарешеченным окном, третьей затяжкой закончил всю сигарету и только после этого сказал:

– А потому что ты режиссер от Бога! А кино в России угроблено! Играть ни хрена не в чем! И смотреть нечего! А ты ить и с Ельциным был на ты, и с Горбачевым, и сам в президенты метил. Как ты мог допустить, чтобы все кинотеатры в частные руки ушли? А? Я тя по-русски, по-хорошему спрашиваю! Они ж, эти коммерсанты хреновы, отучили народ русские фильмы смотреть! Одни голливудские стриллеры двадцать лет крутят, целое поколение выросло на этой мутотени. Ты сделай им сѣдня «Балладу о солдате» или «Иваново детство» – они ж и смотреть не будут! Ну? Что ты молчишь? Дай еще сигарету, не могу этим дерьмом накуриться.

Шубин, ошарашенный этим монологом, молча протянул Андрееву всю пачку «Парламента» и даже зажигалку. Потом все-таки спросил, показав пальцем в небо:

– А вы, значит, там... фильмы смотрите?

– А то ж! – сказал, прикуривая, Андреев. – А чѐ там еще делать? – Он затянулся, и от этой его затяжки снова сгорело полсигареты. – Только вы ж ни хрена душевного уже не снимаете! Такого, чтоб по-нашему, до слез! А всё под Голливуд косите – всякие там стрелялки да шумилки, смотреть с души воротит. Пырьев, чтоб ты знал, уже вообще в кино не ходит. Ни Пырьев, ни Калатозов, ни Ромм – никто!

– А что делают? – жадно поинтересовался Ростислав Сеевич.

– А ничего! Круглые сутки в преферанс режутся! Ну и на бильярде. Вот ты мне скажи: сколько ты еще тут, на земле, жить собираешься?

Шубин пожал плечами:

– Ну, я не знаю...

– А я знаю! – вдруг жестко сказал Андреев. – И я те говорю: ты умрешь, а кто после тебя будет русское кино делать? Что мы там будем смотреть? Вот Ромм умер – после себя Шукшина оставил, Тарковского, Чухрая. Герасимов умер – у него вообще двести учеников: Бондарчук, Лиознова, Кира Муратова, Владимир Наумов! Есть же что смотреть! А ты что будешь смотреть? Себя самого? С утра до ночи? Так ты учти, милоч, там у нас, – он показал пальцем в небо, – в зачет идет не только то, что ты со своим божьим даром сделал. А еще – кого и что ты после себя оставил. Усек? – И Андреев встал во весь свой огромный рост, загасил окурочек в пепельнице и сунул в карман пачку «Парламента» с остатком сигарет. – Все, я пошел. Я таких длинных монологов сроду не говорил...

– Куда ты пойдешь? – усмехнулся Шубин. – Ты зек, ты арестован.

– Кто? Я? – басом удивился Андреев. – Ты хоть в одном фильме видел, чтоб Андреева арестовали? Короче, Ростислав Сеич, я те так скажу. Ежли ты не хошь перед нами там опозориться, сѣдня ж договорись со своими дружбанами. – Андреев кивнул на двойной портрет на стене. – Пусть они с каждого билета на голливудский фильм половину отнимают на русское кино. Понимаешь? Как де Голль во Франции для французов сделал. И чтоб во всех кинотеатрах половина вечерних киносеансов тоже была только для русских фильмов, а билеты вполупину дешевле. Тогда наше кино сразу оживет, и нам там будет чего смотреть. А мы тебя за это как родного примем в свою компанию. Ты понял?

И с этими словами Борис Андреев вдруг оторвался от пола, стал как-то истончаться и таять в воздухе, а затем вытянулся в невесомый шнурок и тонкой струйкой вылетел в открытую форточку.

– Подожди! – запоздало крикнул ему вслед Шубин. – А если я не смогу это пробить?

– Сможешь! Ты сможешь! – ответил ему с улицы тающий в летнем мареве голос Андреева. – Кроме тебя, некому, а мы в тебя верим...

И шнурок, ловко обойдя штанги очередного проходящего троллейбуса, исчез в бездонном июньском небе.

7. Ночной визит

Суббота, 25 июня

Никто не знает, сколько времени проспал майор Грущо после этого нового сновидения. Но достоверно известно, что ровно в 03.17 утра его буквально сорвал с кровати оглушительный и по-хамски непрерывный звонок в дверь. Грущо вскочил, выбежал, сатанея, в прихожую и крикнул в бешенстве:

– Кто там? Убью, блин!

Звонок усекся, грубый мужской голос приказал:

– Открывай! Полиция!

Грущо сорвал с вешалки свой офицерский китель, накинул его на плечи и завоzilся с замками.

– Какая на хрен полиция? Я сам полиция!

Но едва он открыл последний замок, как дверь распахнулась, словно от удара ногой, и в прихожую разом ворвались пятеро дюжих омоновцев, сорвали с Грущо китель и скрутили ему руки за спину.

– Да в чем дело, мать вашу... – хрипел Грущо, и тут в квартиру вошла полковник Ирина Рогова – усталая, без косметики и с красными от бессонницы глазами.

– Кто еще в доме?

– Никого, я один. А в чем дело?

Но Рогова не ответила, жестом приказала трем омоновцам обыскать квартиру, а двум остальным – протащить Грущо на кухню. После чего пошла, не спеша, по квартире (всего-то три комнаты, 68 метров и без всякого евроремонта). На ходу цепкими своими глазами сфотографировала каждую мелочь, которую омоновцы бесцеремонно вытряхивали из шкафа, комода, тумбочек, двух книжных шкафов и даже из Андрюшиного письменного стола. Мебель, она отметила, была еще советская, шатурского производства, телевизор из прошлого века, а компьютер с ламповым монитором. Бесстрастно оценив эту неказистость, Рогова тут же присела к компьютеру, включила его, достала из кармана какую-то дискетку, вставила ее в компьютер и с профессиональной сноровкой обошла пароль и открыла перечень всех файлов и документов. Но даже ее, полковника и начальника Управления антитеррора МЧС, этот перечень заставил удивленно заморгать глазами: «Эдгар По, Собрание сочинений», «Эрскин Колдуэлл, Собрание сочинений», «Джери Козински, Собрание сочинений», «Артур Миллер, Собрание сочинений» и так далее – почти вся американская литература! И ничего, кроме этого!

Еще раз посмотрев на омоновцев, которые, снимая с книжных полок английские и русские словари и книги, быстро листали каждую из них, а потом небрежно швыряли на пол, Рогова вернулась на кухню, где омоновцы жестко – по рукам и ногам – прикрутили Грущо к тяжелому дубовому стулу и стояли над ним, сторожа каждое его движение. Не глядя на него, Рогова рыскнула по немытой посуде, нашла в кофейнике вчерашний кофе, налила себе в чистую чашку, отпила большой глоток и только после этого спросила:

– Итак, майор, что курим?

– А в чем дело, полковник? – спросил Грущо, хотя, как мент, прекрасно знал, что если на тебя наехала Система, то «качать», как говорится, «права», то есть требовать ордер на обыск или арест совершенно бесполезно. МЧС на то и Министерство *чрезвычайных* ситуаций, чтобы работать по чрезвычайным делам, когда опасность угрожает всему государству. Что и подтвердила полковник Рогова.

– Сейчас я спрашиваю! – жестко резанула она. – Что вы курите?

– Ну, «Парламент». Вон, в кителе, в кармане.

– Ага! Я так и знала... – Рогова села напротив Грущо на край кухонного стола так, что офицерская юбка открыла ее стройные ноги почти до причинного места. Грущо невольно уставился глазами в эту гибельную перспективу, но Рогову это нисколько не смутило, она даже не одернула юбку, а, допив кофе, поставила чашку на стол и спросила почти дружелюбно: – Так что? Будем колотиться, майор?

Он поднял на нее глаза:

– Насчет чего?

– Насчет этих гребаных снов. Вы сегодняшний сон видели?

– Ну-у... – протянул Грущо. – В-видел. А что?

– Кабинетик узнали? – Рогова нетерпеливо застучала по столу своими красивыми тонкими пальцами. – А? Узнали?

И только тут Грущо сообразил, что в том сне, который он видел час или два назад, разговор Шубина с Андреевым происходил в его служебном кабинете на Васильевской, 3!

– Молчим, – удовлетворенно сказала Рогова. – Отпираться бессмысленно, конечно! Ведь вся страна уже этот сон посмотрела! Да и я только что была в твоём кабинете и сама проверила: два окна в решетке, в простенке двойной портрет, за окном троллейбус и в ящике сигареты «Парламент»! Ну, майор, с кем мы этот сериал производим?

– Какой сериал? – не понял Грущо, мысленно обеспокоившись, – если Рогова уже побывала в его кабинете на Васильевской, то коньяк из сейфа она изъела или нет?

Рогова усмехнулась:

– Тупите, майор. А еще выпускник Омской академии! Или прикидываетесь, тянете время? А? Так я вам сама скажу: вчера, в первой серии этого сна все действие происходило на вашей территории, верно? И вы лично сопроводили этот маскарад и банду убийц прямо от Дома кино до Пушкинской площади. То есть под вашей охраной они прошли на кинофестиваль и стреляли в Шубина. Так? А во второй серии все действие вообще снято в вашем кабинете! Они там даже ваши сигареты курили, вот только коньяк не выпили. И после этого вы мне будете трюндеть, что вы ни ухом ни рылом? – И Рогова снова застучала пальцами по столу. – Ну, быстро: контакты, имена, телефоны, явки! Ну!

И, высоко подняв левую ногу, Рогова по дуге пронесла ее у лица Грущо, а затем носком своего черного, офицерского, на небольшом каблучке ботинка бесцеремонно наступила на едва прикрытый трусами пах майора Грущо.

– Итак, я считаю до трех. Раз...

Майор скривился от боли.

– Два.

– Да я клянусь...

– Три!

Наверно, весь шестиэтажный дом Грущо проснулся в этот миг от его ужасного крика. Но вряд ли бы это удержало полковника Рогову от того, чтобы окончательно раздавить его мужское достоинство. Чуть приподняв носок ботинка, она дала Грущо возможность перехватить открытым ртом воздух и сообщила:

– Считаю еще раз. Раз...

Тут, слава Богу, на кухню пришел один из омовцев, проводивших бесцеремонный шмон, и доложил:

– Ничего нет, Ирина Петровна.

– Не может быть, – сказала она. – Ищите! Флэшку, дискетку – что-нибудь! Они тут американскую литературу томами глотают.

Омовец ушел, Рогова снова прижала ногой пах Грущо и сказала:

– Итак, считаю. Раз!..

Однако телефонный звонок прервал эту экзекуцию. Рогова посмотрела на навесной, на кухонной стене телефонный аппарат, потом на свои «Командирские» часы и усмехнулась:

– Ну вот! Кто это может звонить нам в четыре утра?

Грущо пожал плечами:

– Наверно, жена, Катя.

– Откуда?

– Из Америки.

– Из Америки?! О, как интересно! Она у нас связной, да?

– Она сына повезла в летний лагерь. Ему тринадцать лет.

– Удобный предлог, я понимаю. Под Москвой нет лагерей для тринадцатилетних...

– Нет, он олимпиаду выиграл, литературную...

На протяжении всего этого разговора телефон продолжал звонить, и Рогова кивком головы отправила одного из омовцев в гостиную, а потом, когда этот омовец принес оттуда трубку переносного телефона, приложила ее к своему уху, а трубку кухонного телефона поднесла к уху Грущо.

– Алло, Стас! – разом сказали обе трубки Катиным голосом.

– Да... – хрипло выдохнул Грущо.

– Наконец-то! Ты что, пьяный? Алло!

– Я слушаю... – сказал Грущо.

– Ты там не один? – подозрительно спросила трубка.

Грущо посмотрел на Рогову, но та предупредительно поднесла палец к губам.

– Один, конечно, – сказал Грущо.

– А почему у тебя такой голос?

– Ну, потому... Сон приснился дурацкий...

– Вот! – радостно сказала Катя. – Я потому и звоню! Тут все эмигранты про какие-то необыкновенные московские сны говорят. А я ничего не видела, я из-за этого перелета всё пропустила! Ты мне хоть в двух словах Расскажи, что там было? Но сначала еще одно дело, Стасик. Ты мне дал с собой триста баксов на все три недели, а тут такая инфляция – ужас! Буханка хлеба пять долларов стоит! Ты не мог бы с полочки мне еще пару сотен выслать?

Грущо не успел ответить – Рогова дала отбой. Почему-то именно то, что Грущо дал жене и сыну триста долларов на всю поездку в Америку, и просьба Кати прислать хотя бы еще двести разом убедили ее в том, что эта семья никакого отношения к ЦРУ не имеет. И она устало приказала омовцам:

– Развяжите его.

Омовцы отвязали Грущо от стула, он стал разминать затекшие руки, но телефон, конечно, зазвонил снова. Грущо вопросительно глянул на Рогову, та сказала:

– Ладно, жена – это святое, ответь ей что-нибудь. Она у тебя кто?

– Переводчик. – Грущо взял трубку. – Алло?

– Ты почему трубку бросаешь? – обиженно сказала Катя. – Ты там что, не один?

– Да один я, один! Просто меня по мобильнику на дежурство вызывают.

– Из-за этих снов? – насторожилась Катя.

– Ну конечно! Здесь из-за них знаешь, что творится? Вся контора на ушах стоит, и не только наша...

И он выразительно посмотрел на Рогову, но та показала ему кулак, и он свернул разговор:

– Все, Катя! Извини, я должен бежать. Как там Андрей? В порядке? Ну все, пока! – Грущо дал отбой и спросил у Роговой: – Одеться можно?

Она усмехнулась:

– Первый раз в жизни слышу от мужика такой вопрос! – И повернулась к вошедшим омоновцам: – Ну?

– Ничего нет, товарищ полковник, – доложили те.

– Тогда поезжайте в контору. А я на своей доберусь. Всё, свободны! – И, проводив взглядом уходящих омоновцев, Рогова посмотрела на Грущо: – Ладно, одевайся...

Грущо чуть поколебался – что значит «ладно»? Ей что, нравится, что он тут в одних ночных трусах? Но он все-таки встал, прошел в спальню и начал переодеваться.

– Ты что, действительно на одну зарплату живешь? – прозвучало у него за спиной.

Он повернулся. Рогова стояла в двери спальни, явно наслаждаясь его растерянности голого практически мужика перед ней, русской «Кондолизой Райс» и «Мюллером в юбке». «Сука!» – подумал Грущо, натягивая форменные офицерские брюки. Но вслух ответил:

– Да. Раньше жили на две, но Катя уже год как потеряла работу. – Он заправил в брюки бледно-голубую офицерскую рубашку и застегнул ремень. – Она в издательстве работала, переводчиком. А люди теперь перестали книги читать...

Но когда он заправил под воротник свой форменный офицерский галстук и стоял перед ней совершенно одетый, Рогова вдруг подошла к нему вплотную, обеими руками взялась за галстук и стала медленно опускать его, говоря со смешливыми искрами в своих серо-голубых глазах:

– Стой, не дергайся... Я же перед тобой виновата, чуть тебя достоинства не лишила. Руки по швам! – И, опустившись на колени, расстегнула его только что застегнутый офицерский пояс.

8. Пробуждение

Между тем, господа, в стране уже творилось черт-те что! Те, кто несколькими часами раньше проснулся во Владивостоке, Благовещенске и Анадыре, нетерпеливо звонили в Москву и Санкт-Петербург, чтобы узнать, видели ли в столицах то, что они увидели в своих снах на Дальнем Востоке. А те «жаворонки», кто в этот час просыпался в Москве, Вологде и Смоленске, звонили в Хабаровск и Иркутск, чтобы сверить свой сон с теми, кто посмотрел его раньше. Киношники и телевизионщики смаковали подробности разговора Андреева с Шубиным, а верующие ликовали, получив наконец доказательство существования загробного мира. На Рублевке, в Соснах, на Николиной Горе и в других элитных подмосковных зонах высшие правительственные чины по спецсвязи обсуждали меж собой, что же, блин, делать с этим вражеским проникновением в мирные сны российских граждан, и требовали от министров-силовиков «немедленно мобилизовать», «напрячь все силы» и вообще «прекратить это безобразие»!

И генерал Круглый, начальник управления «Ч» МВД, а также руководители департаментов компьютерной безопасности всех остальных силовых структур действительно «мобилизовали», «активировали» и «напрягали» не только своих программистов и компьютерщиков, но и лабораторию Касперского, закрытые номерные центры Дубны и Черноголовки, а также ректоров МГУ, МАИ, Бауманки и других учреждений, имевших в своих штатах асов компьютерной техники и цифровых коммуникаций. Все российские хакеры международного хакерского движения Anonymous и даже гениальный иркутский хакер Егор Михайлов, сорвавший в прошлом году премию «Фейсбука» на всемирном конкурсе хакеров в Хьюстоне, США, самочинно ринулись на поиски сновидческого «червя».

Но совершенно напрасно тысячи дипломированных экспертов, знатоков и просто энтузиастов впивались глазами в экраны мониторов, взбадривая себя крепким кофе, сигаретами и коньяком, – не было в Интернете никаких признаков и следов этого «троянского червя», не было! Все остальные «черви» – Android.Dogowar, Trojan.Badminer, Backdoor.Darkmoon!

Infostealer.Lightdrop, Boot.Bootlock, Trojan.Spyeye! и еще сотни – пожалуйста, были. А этого, самого разыскиваемого и вожделенного, не было!

Устало лежа на плече Грущо и глядя сквозь уже опаленное утренним солнцем окно на гуляющих на подоконнике голубей, полковник Рогова, еще не остыв от своего бешеного темперамента, негромко спросила:

– И все-таки, Стас, как они могли попасть в твой кабинет?

– Кто? – не понял Грущо, дремотно дрейфуя на волнах только что полученного блаженства.

– Кто-кто! Андреев и Шубин.

– Откуда я знаю? Это же сон...

– Нет, это не сон. Ты лучше вспомни.

Какая-то тень не то предупреждения, не то угрозы в ее голосе заставила Грущо открыть глаза.

– Вспомнить что?

– Ну, были съемки у тебя в кабинете или не были?

Грущо выпростал руку из-под ее головы и приподнялся на локте над этим странным созданием. Прекрасная и скульптурно-точечная плоть с разметавшимися по подушке волосами, тонкая шея, узкие и снова манящие ключицы, маленькая грудь с темными сосками, лира живота и виолончель теплых бедер, переходящих в такие стройные и такие, оказывающиеся, сильные ноги, – эта, я повторяю, божественная плоть лежала перед ним на смятой простыне. Но именно эта еще только что нежная, пылкая и жаркая плоть смотрела теперь на него своими совершенно холодными глазами. И ждала ответа.

– Гм... – сказал Грущо и снова лег головой на подушку, устремив глаза в потолок. – Рассуждаем логически. Если я, начальник Тишинского отдела полиции, там, на Пушкинской площади, арестовал этого Андреева сразу после покушения на Шубина, то куда я его привез? В Бутырку? В Матросскую Тишину?

– Ну, не знаю. Наверно...

– Нет! Ни в Бутырку, ни в Матросскую Тишину я его везти не могу, он еще не осужденный. И значит, куда я его везу? К себе в отдел, в свой «обезьянник». Чтобы доложить наверх и получить приказ, куда его сдавать – в прокуратуру или сразу в Следственный комитет Бастрыкину. Ясно?

– Но этого ничего нет ни в первом сне, ни во втором.

– Значит, вырезали. Но факт есть факт: я его арестовал, привез в свой отдел и посадил в «обезьянник». А Шубин пришел и просит: дай поговорить с артистом, он член моего Союза кинематографистов. Но не буду же я и Шубина в «обезьянник» сажать! Значит, я дал им свой кабинет, вот они и поговорили. Еще и мои сигареты выкурили!

Рогова от изумления села в кровати.

– Я не понимаю – ты это сейчас сочинил или так было на самом деле?

– На самом деле, – он хватко взял ее за талию и привлек к себе, – я хочу тебя съесть. И съем!

– Как? Опять? – изумилась она. – Ты же только что...

– Я?! Ничего подобного! Это тебе приснилось!

Часть вторая Ленч с Биллом Клинтоном

9. Затишье перед бурей

Начало июля

Прошла неделя. Поскольку никаких новых всеобщих ночных наваждений не случилось, ажиотаж вокруг них сильно поутих. Конечно, сразу после второго сна публика ждала продолжения «сериала» и была разочарована его отсутствием. Наутро третьего дня сотни тысяч людей названивали друг другу, проверяя, не заспали ли они «третью серию», и успокаивались только тогда, когда выяснялось, что ни Шубина, ни Андреева никто этой ночью во сне не видел. Но радиожурналисты жаждали сенсаций и гадали, кто именно посетит этой ночью Кремль – Сталин, Ельцин или академик Сахаров? Газета «Завтра» пошла еще дальше и напечатала сочиненный анонимным, но всем известным автором взыскательный разговор Сталина с руководящим тандемом. А гениальный Дмитрий Быков молниеносно переложил этот разговор на язвительные стихи, которые бесстрашный Михаил Ефремов бесстрашно прочел по бесстрашному «Эху Москвы».

Однако ни Сталин, ни Сахаров в Кремль не явились, и четвертая ночь сократила число жаждущих ночного наваждения вдвое, а на пятую все или почти все вообще про него забыли. В наше быстротекущее время сенсации случаются каждый день, вытесняя друг друга со скоростью скороговорки теле- и радиоведущих. Правда, по горячим следам разговора Андреева с Шубиным Министерство культуры сообщило, что «намерено с помощью прокуратуры заставить кинотеатры подключаться к единой федеральной системе сведений об электронных кинобилетах». Но благими намерениями легче вымостить дорогу в ад, чем извлечь копейку из карманов кинопрокатчиков. Московский кинофестиваль закончился 2 июля присуждением многочисленных призов, после чего Москва смиловилась над темной Белоруссией и восстановила подачу ей электроэнергии. В уральском поселке Сагра произошла кровавая драка местных жителей с кавказцами. Юрий Любимов со скандалом покинул свой «Театр на Таганке», а миллиардер Михаил Прохоров без всякого скандала вознамерился возглавить партию «Правое дело» с явным прицелом стать следующим премьер-министром страны. Сергей Собянин сообщил о расширении Москвы больше, чем вдвое, а Счетная палата – о том, что из «Банка Москвы» больше двух миллиардов долларов ушли в офшоры. Кремль послал Михаила Маркелова в Ливию уговаривать Муаммара Каддафи отказаться от власти, Греция катилась к банкротству, а США – к дефолту...

Понятно, что когда одна такая новость наступает на хвост предыдущей, то все, что было до этого, забывается, и даже настоящая сенсация не производит на людей почти никакого впечатления. Кто-то не без основания заметил, что в наше время даже второе пришествие Христа может пройти незамеченным – ну, в лучшем случае какой-нибудь олигарх из любопытства пригласит Его к обеду.

Хотя справедливости ради следует сказать, что те, кому следует – асы компьютерной сферы и Интернета, сотрудники лаборатории Касперского и творцы систем безопасности крупных компаний и банков, а также выдающиеся хакеры движения Апопушош, – не забыли о явлении «тройанского червя» гражданам России и продолжали искать его во Всемирной паутине. Но работа эта велась в такой секретности, что у нас нет на этот счет никакой информации.

Поэтому вернемся к майору Станиславу Грущо. При этом мы обязаны честно сказать, что его скоропалительный роман с полковником Ириной Роговой никакого пикантного про-

должения не имел. Но не потому, что майор, спохватившись, решил вернуться в лоно супружеской верности – нет, автор не намерен до такой степени идеализировать своего героя. И не потому, что эта «Мюллер в юбке» осталась им недовольна. Наоборот, перефразируя классика советской литературы, следует сказать, что майор Грущо еще мог так переночевать с женщиной, что даже женщина-полковник оставалась им довольна. Просто назавтра после их столь близкого знакомства произошел новый теракт в Дагестане, и Рогова, как начальник Управления антитеррора, тут же вылетела туда в служебную командировку, а оттуда прямым ходом – в Брюссель на очередную конференцию стран Евросоюза по борьбе с международным терроризмом.

А Грущо после дежурства на Васильевской выяснил по телефону, что из-за нехватки запчастей его «жигуль» будет готов не раньше следующей недели, и отправился в спортзал. Ведь еще 29 июня, то есть сразу после чрезвычайного субботнего «совещания в верхах», глава МВД Рашид Нургалиев публично заявил, что переаттестацию, необходимую для продолжения службы в правоохранительных органах, могут не пройти «толстые и пузатые». А еще раньше его первый заместитель Михаил Суходольский сообщил, что каждый полицейский должен отличаться хорошей физической подготовкой и знать приемы дзюдо. Наверно, мы полагаем, из-за того, что первый дзюдоист России без усталости колесит по стране и, применяя ручное управление хозяйством, может в любой момент и в любой точке запросить себе в помощь коллег-дзюдоистов.

Так это или нет, мы не знаем, но знаем, что сразу после этих заявлений руководителей МВД все фитнес-центры и спортивные залы Москвы вдруг наполнились полицейскими, которые решили немедленно избавиться от лишнего веса и освоить хотя бы элементарные приемы дзюдо. И хотя наш герой не был ни пузатым, ни жирным, он тоже провел этот вечер в спортзале. А потому, прикатив домой, уснул как младенец.

10. Красный Октябрь

– Я, юный обамовец, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь, что буду твердо стоять за дело президента Барака Обамы в его борьбе за создание общества социальной справедливости во всем мире! Буду честно и неуклонно выполнять заветы Хусейна Обамы, отца президента, и буду жить по законам и правилам юных обамовцев. Аллах акбар!

Громко произнеся эту клятву, девятилетний Стивен Купер, рыжий и веснушчатый, как подсолнух, и еще сорок семь третьеклассников Питсбургской городской школы разом опустились на колени. Касаясь пола головой, они поклонились портрету президента и хором зачитали его изречения, отпечатанные под этим портретом:

– «We are no longer a Christian nation... We do not consider ourselves a Christian nation... Islam has always been a part of America's story... USA has been enriched by Muslim Americans... We will convey our deep appreciation for the Islamic faith which has done so much over the centuries to shape the World...»¹

– «I know the civilization's debt to Islam. It was Islam that carried the light of learning through so many centuries, paving the way for Europe's renaissance and enlightenment. It was innovation in Muslim communities that developed the order of algebra, a magnetic compass and tools of navigation, our mastery of pens and printing, our understanding of how disease spreads and how it can be healed. Islamic culture gave us majestic arches and soaring spires, timeless poetry and cherished music, elegant calligraphy and places of peaceful contemplation. They have fought in our wars, they have served in our Government, they have stood for civil rights, they have started

¹ Мы уже не христианская нация... Мы не считаем себя христианской нацией... Ислам всегда был частью американской истории... Мы выражаем нашу глубокую признательность исламской вере, которая на протяжении веков сделала так много для построения мира...

businesses, they have taught in our Universities, they have excelled in our sports arenas, they won Nobel prizes, built our tallest building, and lit the Olympic torch. When the first Muslim American was recently elected to Congress he took the oath to defend our Constitution using the same Holy Koran. In ancient times and in our times Muslim communities were at the forefront of innovation and education...»²

– «One of the points I want to make is that if you actually took a number of Muslim Americans we would be one of the largest Muslim countries in the world...»³

– Хорошо, молодцы! – сказал детям господин Фатых аль Керим, пятидесятилетний директор школы. Затем, идя вдоль стоявших на коленях подростков, он вручил каждому по зеленой косынке-галстуку, показал, как повязывать его на груди, и назидательно процитировал: – Запомните: «Как повяжешь галстук, береги его, он ведь с нашим знаменем цвета одного!» Какого цвета наше новое американское знамя?

– Зеленого! – хором ответили дети.

– Правильно. Можете встать. А теперь идите домой, потренируйтесь завязывать галстук и обсудите с родителями, какое у вас будет новое мусульманское имя. Завтра мне доложите. Аллах акбар!

Дети, поднявшись с колен, стали расходиться, а Стивен подошел к директору:

– Господин Фатых аль Керим, я уже выбрал имя. Можно, я скажу?

– Ну, говори.

– Я буду Стивен Хусейн. Как президент!

– Молодец! Умница! Завтра принеси письменное согласие родителей. Салам!

– Салам! Обама акбар! – сказал умница Стивен Купер и пошел домой. С тех пор как великий Обама объявил войну ожирению нации, все автобусы, возившие детей в школы, перешли в собственность Новой Народной Гвардии и, перекрашенные в зеленый цвет, возили только обамовских гвардейцев. Поэтому в школу и из школы Стивен и другие ребята шли теперь пешком, сгибаясь под ледяным встречным ветром и стараясь держаться группами хотя бы по пять-шесть человек. Иначе по дороге, на Луизиана-авеню и Потомак-авеню, можно было напороться на банду Кровавого Ахмета или на «Бригаду „Черная месть“». И те и другие были не старше Стивена, но били кастетами и свинчаткой и отнимали все, что было в карманах, даже сэндвичи, которые дети носили себе на школьный ленч. Говорят, что когда-то в школах даже кормили и каждый ел, сколько хотел, но, во-первых, это тоже способствовало ожирению, а, во-вторых, компании, снабжавшие школы питанием, были уличены в воровстве и подмене натуральных продуктов самыми дешевыми эрзацами. Великий и мудрый Обама наказал этих воров и отменил бесплатное школьное питание.

Но сегодня, слава Богу... ой, простите, слава Аллаху, Стивен, гордо повязав свой новый зеленый галстук поверх теплого маминого шарфа, застегнул куртку на молнию до самого верха и натянул шапку а-ля рус и теплые варежки. Максимально ускорив шаг (только нос и подбородок подмерзали от ветра), оскальзываясь на оледенелых тротуарах и оглядываясь на три фургона с надписями «ХЛЕБ» (странно: столько машин развозят по городу хлеб, а за

² Я знаю, чем цивилизация обязана исламу. Это ислам пронес свет знаний через века, прокладывая путь европейскому Ренессансу и просвещению. Это развитие Исламского общества привело к созданию алгебры, магнитного компаса и средств навигации, созданию карандашей и печати, нашему пониманию распространения болезней и путей их излечения. Исламская культура дала нам волшебство арок и парение шпиль, вековую поэзию и нежную музыку, элегантную каллиграфию и святые места для мирных созерцаний. Мусульмане сражались в наших войнах, служили в нашем правительстве, отстаивали гражданские права, открывали бизнесы, учили в наших университетах, выступали на наших спортивных аренах, выигрывали Нобелевские премии, строили наши небоскребы и зажигали Олимпийский огонь. Когда первый американский мусульманин был избран в Конгресс, он поклялся защищать нашу конституцию на святом Коране. С античных времен и до наших дней мусульманские общества были на передовой всех инноваций и просвещения...

³ Одно я хочу подчеркнуть: если вы посчитаете количество американцев-мусульман, то мы будем одной из самых больших мусульманских стран мира...

хлебом нужно стоять в очередях), Стивен беспрепятственно миновал и Луизиана-авеню, и Потомак-авеню и лишь у новой мечети на Бродвее попал в небольшую каверзную ситуацию. Постоянно, даже зимой сидевший у мечети слепой Селим вдруг повел плечами, стряхнул снег с лежавшей на них мешковины, потом снял свои темные очки, отлепил с правого глаза бельмо и, удивленно глядя своими здоровыми, как оказалось, глазами на зеленый галстук Стивена, радостно обратился к нему по-арабски. Но Стивен еще не знал арабский настолько, чтобы понять высокий стиль поздравления Селима, и сконфуженно развел руками:

– Sorry, sir, I don't understand...⁴

– I see, – сказал Селим и продолжил: – Я вижу, что твой зеленый галстук родной брат моего бельма на глазу. Иди отсюда, белый щенок, и больше не попадайся мне на глаза!

И Селим, налепив бельмо и надев темные очки, с непонятной Стивену злостью стал своими темными пальцами в дырявых перчатках быстро-быстро перебирать костяные четки.

Прибежав домой и сбросив на пол прихожей заснеженный ранец, куртку и шапку с варежками, Стивен с гордостью показал родителям и младшей сестре свой зеленый галстук и радостно объявил, что его приняли в юные обамовцы.

Сестра, конечно, запрыгала и стала кричать «дай, дай поносить!», а мама сказала:

– Сними, пока не испачкал. Вымой руки и садись кушать.

И при этом каким-то упредительным взглядом посмотрела на отца так, что тот ничего не сказал и ушел в гостиную к телевизору. Но Стивен знал, что сказал бы отец, если бы мать его не остановила. Отец называл Обаму диктатором, погубившим Америку. При этом каждый раз, когда отец хотел объяснить детям, почему он так не любит «отца всех народов», мать обрывала его на полуслове:

– Замолчи! Можешь, если хочешь, сам сесть в тюрьму, но детей не трогай! Пусть верят в Обаму, в ислам, в черта лысого, лишь бы были здоровы и на свободе! Ты понял?

Отец скрипел зубами и уходил к телевизору, который с утра до ночи рассказывал о мудрости президента, создавшего наконец в Америке Великое Общество Социальной Справедливости и уничтожившего процветающую здесь коррупцию богачей и священников, которые беспощадно эксплуатировали замечательный американский народ и одурманивали его церковными догмами.

Теперь по Единому Национальному Телевизионному каналу, заменившему оглупляющее многоканальное коммерческое телевидение, ежедневно показывали репортажи из Белого дома, в котором даже по ночам светились окна Овального кабинета, где денно и ночью президент трудился на благо страны. И каждый вечер страна смотрела исторические фильмы – «Обама в Октябре», «Падение Конгресса», «Броненосец „Потомак“» и «Человек с мечтой». А также биографические – экранизацию книги Барака Обамы «Мечты от моего Отца» и романтическую историю знакомства Барака с его женой в чикагской юридической фирме «Sidley Austin». Фильм рассказывал об их участии в сожжении американского флага, который был символом преступного американского империализма, их юношеской любви и счастливом супружестве в трудные годы нищеты, когда молодой Барак Хусейн бескорыстно трудился социальным работником в самых нищих районах Чикаго.

Бывший профессор истории американской экономики и корреспондент когда-то знаменитого телеканала FOX-News, а ныне счетовод местной типографии имени Заветов Хусейна Обамы, отец Стивена просто сатанел от того, насколько киношная история Великой Обамовской революции отличалась от подлинного государственного переворота, случившегося в Вашингтоне на его глазах. Как-то ночью, когда Стивен проснулся от крайней необходимости пописать и босиком сбегал в туалет, он услышал, как в спальне родителей отец возбужденно рассказывал матери, как это было на самом деле.

⁴ Извините, сэр, я не понимаю...

– Ты не можешь стать диктатором в богатой стране, – говорил ей отец. – Это нереально. Богатые граждане слишком независимы, чтобы позволить кому-то ими командовать. Поэтому в свой первый срок он довел страну до банкротства. Богатые сбежали в Австралию и увели с собой свои бизнесы, а с ними и налоги, которые они платили. Казна опустела правительство перестало раздавать фуд-стемпы и пособия по безработице и вэлферу. Миллионы тунеядцев, привыкших годами жить на эти пособия, взбунтовались и стали громить магазины и склады. А остальные возопили, прося навести порядок «жесткой рукой». А тем временем Иран закончил создание атомной бомбы, и Израиль, брошенный нами, был вынужден в одиночку уничтожить их ядерный реактор. После чего Иран, Сирия и Египет напали на Израиль, у нас началась серия терактов, и вот тут-то Президент объявил чрезвычайное положение, ввел в Вашингтон свою Новую Народную Гвардию и крейсер «Потомак». А когда конгрессмены примчались в Вашингтон на экстренное заседание, их просто не пустили в здание Конгресса! Понимаешь? Просто не пустили! А тех, кто стал собирать митинги протеста, ночью посадили в самолет и отправили в Австралию. И все – вот и вся революция! Конституции нет, выборов нет, есть Чрезвычайное положение. А для детей в Голливуде сочиняют Великую Американскую революцию, героический штурм Капитолия матросами революционного «Потомака» и новое евангелие «Обама в Октябре»! Но что самое ужасное – страну наводнили имамы, которые вдалбливают нашим детям то, что Обама в детстве вдобили в Индонезии. «Ислам является частью американской истории!» Конечно, является – исламские экстремисты терроризируют нас с 1800 года, с ними еще Джефферсон воевал, и они еще тогда захватывали наши корабли и торговали нашими матросами, как рабами! Нет, я не отдам им Стива – хоть ты меня режь, не отдам!

– Тихо, он, кажется, проснулся, – сказала мать, и Стивен крепко зажмурил глаза на случай, если мама придет в детскую проверить его и сестру.

Так он и уснул в ту ночь, точно зная, что ему вовсе не приснился этот разговор отца с матерью, и еще зная, что по ночам, когда соседи спят, отец, закрывшись в кладовке, слушает по радио «Голос Исландии» и «Архангельскую волну». Вообще-то все радиоприемники и компьютеры были у населения изъяты сразу после Великой Обамовской революции. Но где-то в бейсменте отец отыскал дедушкин ламповый «Грюндиг», починил его и по ночам, вернувшись из хлебной очереди, тайно ловил Исландию и Беломорию – единственные европейские страны, не оккупированные Арабским халифатом из-за их слишком холодного климата. Мама, конечно, ужасно боится, что через тонкие стены соседи могут услышать эти «вражеские голоса», но отец успокаивает ее – ведь он слушает свое радио только в наушниках, к соседям не проникает ни звука!

Тут следует сказать, что еще десять лет назад, то есть до Обамовской революции и рождения Стивена, никаких соседей у его родителей не было. Весь дом – большой, двухэтажный, с гаражом на две машины, крытой верандой, обжитым пятикомнатным полуподвалом-бейсментом, трехкомнатной мансардой, двумя балконами и двором с плавательным бассейном и яблоневым садом – целиком принадлежал отцу Стивена, а до того – его отцу, тоже профессору, и его деду – основателю Питсбургского университета. Но в Обществе Социальной Справедливости семья из четырех человек не может занимать столько места, когда другие семьи ютятся в крохотных социальных квартирах по Восьмой программе. По решению Районного Коммунального Совета дом был разделен перегородками на шесть частей, и в него вселилось пять многодетных семей, а семейству Куперов досталась половина бейсмента – слава Богу, со своим отдельным входом. Конечно, чтобы вселившиеся дети и те, которым еще предстояло родиться, не утонули в бассейне, его тотчас засыпали каким-то мусором. А когда спустя год в стране ввели продовольственные и хлебные карточки, соседи вырубili сад, чтобы, разделив двор на шесть огородов, выращивать огурцы и картошку. Но оказалось, что ни огурцы, ни картошка сами по себе не растут, а требуют удобрений, регу-

лярного полива, прополки сорняков и охраны от мелких зверей, жуков и голодных соседей. Всего этого новые обитатели дома, привыкшие жить на обильные пособия и фудстемпы, обеспечить картошке и огурцам не могли, и двор вскоре зарос сорняками, крапивой и диким кустарником. Но золотая Стивена мама и этому не огорчалась, а стригла ножницами крапиву и варила из нее вкуснейший борщ...

Вот и сегодня, похлебав за обедом борща из крапивы, еще с лета замороженной в морозильнике, Стивен снова тепло оделся и, прихватив с собой хлебную карточку, пять долларов и учебник арабского, убежал в «Red Lion» занимать очередь за хлебом. Это была его домашняя обязанность – до восьми вечера держать, записав свой номер на руке, очередь за хлебом. А в восемь его, уже окоченевшего от мороза, сменял отец, который стоял в очереди до победного конца – часов до трех ночи или даже пяти утра, когда появлялся хлебный фургон. Очередь приходила в крайнее возбуждение, затевалась новая перекличка, и номера на руках у людей сверялись с записью в тетради, которую вели самые горластые активисты. Только потом, когда выяснялось, что хлеба сегодня привезли пятьсот буханок и его хватит на всех, очередь как-то успокаивалась, делилась на десятки и так, по десяткам, входила в теплый магазин. В магазине вкусно пахло свежим хлебом, который грузчики заносили на деревянных лотках. Но долго наслаждаться этим запахом никто не мог, продавщица кричала: «Быстрее! Вашу карточку!», отрывала сегодняшний купон, получала пять долларов и совала вам в руки еще теплую и вкусную буханку.

Иногда – правда, очень редко, – когда хлеб привозили до восьми вечера, Стивен, стоявший всегда в одной из первых десятков, получал этот хлеб сам, и не было в его девятилетней жизни более приятного, волнительного и даже счастливого момента! Вот и сейчас, сунув буханку под куртку, грея ее своим теплом (или сам греясь от ее тепла), он изо всех сил припустил домой, дыша прекрасным хлебным запахом и гордясь тем, что устоял от соблазна отломить от буханки горбушку и съесть ее прямо в магазине. Страшась только одного – встретить по дороге нищих или бомжей, он влетел, запыхавшись, в дом и с торжеством победителя протянул эту буханку матери и отцу, уже одетому для выхода.

– Как? – удивился отец. – Так рано сегодня привезли?

Он всегда удивлялся, когда у «этих» что-то все-таки получалось вовремя и без брака.

А Стив решил нажиться на своем триумфе и сказал:

– Пап, меня приняли в обамовцы, и мне нужно выбрать мусульманское имя. Пожалуйста, напиши в школу записку, что ты согласен, чтобы я стал Хусейном.

– Ке-ем?! – возмутился отец. – Только через мой труп! – И повернулся к матери: – Ты видишь, что они делают! Может, они и меня заставят намаз совершать?!

– Тихо, – сказала мать. – Соседи не спят.

– Да плевать я хотел! – Отец снял пальто, швырнул его в сердцах на вешалку и повернулся к Стиву: – Нет! Наша фамилия Купер, понимаешь? Мы в Америке двести лет! Твой прапрадед – Фенимор Купер! Ты понимаешь, что это значит?

– Тихо, – снова сказала мать. – Перестань кричать. Ребенок не виноват в том, что ты, племянник Фенимора Купера, голосовал за Обаму.

Отец аж онемел от этого выпада.

С трудом восстановив дыхание, он хлопнул дверью и ушел в кладовку к своему «Грюндигу».

А мама погладила Стива по голове и сказала:

– Не плачь, сынок. Все будет хорошо. Я напишу записку в школу.

Стив вытер слезы и ушел в детскую писать стихи про Обаму. Он еще с утра знал, что отец ни за что не согласится на его второе мусульманское имя, и решил своими патриотическими стихами компенсировать отсутствие отцовской подписи на записке. Но в очереди за хлебом, когда вокруг толпа, шум и толкотня, невозможно сочинять стихи. Зато теперь, когда

сестра уже спит, отец сидит в наушниках в кладовке, а мама моет посуду, стихи рождались сами собой:

Барак Обама письмо я написал:
– Президент Обама, главный комиссар!
В юные обамовцы приняли меня,
Станет моя клятва крепкой, как броня!
Если террористы нападут на нас,
То у нашей армии есть теперь запас!
Я стреляю метко – ты увидишь сам,
Когда стрелять прикажешь
По любым врагам!
Президент Обама, когда начнется бой,
Пусть меня назначат в отряд передовой!

Еще раз перечитав эти стихи, Стивен остался очень доволен собой и уснул, думая о том, какой замечательный подарок он сочинил великому Обаме. Дети, как известно, рождаются для радости и умеют радоваться и смеяться в любых условиях, даже в концлагере. Вот и Стив, живя в семье непримиримого профессора-диссидента, каким-то странным образом сочетал в себе и знания отца о реальной истории возникновения Обамовской диктатуры, и веру в величие и мудрость Вождя всех времен и народов.

Утром в школе господин Фатых аль Керим повертел в руках записку матери Стивена и сказал:

– А отец почему не расписался?

Стивен не умел врать, но умел лукавить. Он сказал:

– Он руку ожег, когда газ включал. Зато я вот какие стихи написал!

Господин Фатых аль Керим прочел стихи, и стихи ему понравились.

– Хорошие стихи. Где-то я слышал такие же. Кажется, когда в Москве учился. Но отцу твоему я все равно позвоню.

– Нет! Не нужно! – испугался Стивен. И, поняв, что своим испугом выдал отца, постарался исправить эту ошибку: – Он это... он не сможет трубку держать. У него ожог.

– Он что, обе руки сжег? – усмехнулся директор. – Ладно, иди на урок...

И следующей же ночью, в 03.45, темный фургон с надписью «ХЛЕБ» подъехал к дому Куперов, трое гвардейцев в кожаных куртках и крагах вышли из машины, вежливо постучали в дверь полуподвала-бейсмента, показали заспанному отцу ордер на его арест, бегло осмотрели квартиру и нашли «Грюндиг». Этого оказалось достаточно, чтобы они увезли в своем «хлебном» фургоне не только отца с его «Грюндигом», но и мать.

А за Стивеном и его младшей сестрой приехали утром. Их отправили в социальный приют для детей врагов народа.

11. Решение майора Грущо

Пятница, 8 июля

Грущо проснулся среди ночи в холодном поту, цепко держа в уме подробности своего нового ужасного сна. Какой кошмар! Это писец!

Он нашарил на тумбочке свой мобильник, в панике поспешно нашел в нем забитый Катей телефон ее американской подруги Лизы Коган и нажал команду «вызвать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.